

а) преступления, посягающие на финансовые отношения б) административные правонарушения, посягающие на финансовые отношения в) налоговые, бюджетные, валютные и банковские правонарушения, которые были рассмотрены выше. Таким образом, понятие «финансовое правонарушение» может употребляться в узком и широком значении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братко А.Г. Банковское право России. – М., 2003. – 459 с.
2. Другова Ю.В. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 3. – С. 25-32
3. Староверова О.В., Толочнева Н.А. Государственное

принуждение в налоговом праве // Закон и право. 2003. № 6. – С. 57-62

4. Степанян М.Г. Правовое регулирование валютной ответственности // Банковское право. – 2001. № 2. – С. 47-53

5. Сапожников Н. Ответственность в валютных правоотношениях // Законность. 2001. № 9. – С. 35-40.

6. Сумачев А.В. Проблемы теории административного права в контексте междисциплинарных исследований // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). – С. 18-21.

7. Анохин Ю.В. О понимании принципа равной обязательности закона: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). – С. 27-33

DISCUSSION QUESTIONS THE CONCEPT OF FINANCIAL OFFENCES

© 2014

A.A. Musatkina, PhD, associate professor, Head of Department of Theory of State and Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: In the article the general concept of financial offenses, defined by its symptoms. On the basis of the common signs of financial crime author formulated the definition of tax, Monetary and fiscal offenses. Attention is focused on the sign of the social danger of financial wrongdoing.

Keywords: offense, fiscal offense, types of financial crime, signs of financial offenses, guilt, public danger, penalty.

УДК 340

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

© 2014

Г.А. Ожегова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В данной статье рассматриваются тенденции связанные с реализацией принципа свободы договора. Анализируется новый подход к определению императивности или диспозитивности нормы права.

Ключевые слова: принцип свободы договора, диспозитивные и императивные нормы, обязательства.

Принцип свободы договора получил свое законодательное закрепление в ст. 8 Конституции РФ, провозгласившей свободу экономической деятельности, и в ст. 1 и ст. 421 ГК РФ, и до не давнего времени не вызывал особенного интереса, так как правоприменительная практика в данной области в основном сложилась, выработались единые подходы к толкованию данных норм.

Принцип свободы договора подразумевает под собой то, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами, или договор, содержащий элементы различных договоров [1, с.412].

Принцип свободы договора распространяется и на его условия. Так, условия договора определяются по усмотрению сторон. Однако статья 422 ГК РФ предусматривает, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами – императивным нормам, действующим в момент его заключения.

Также в случаях, когда условие договора предусмотрено диспозитивной нормой, т. е. нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное, стороны могут своим соглашением исключить ее применение, либо установить другие от предусмотренных условия. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой. Если условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, соответствующие условия определяются обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон.

Это то, что подразумевает под собой принцип свободы договора согласно действующему законодательству.

Недавно вышло Постановление Пленума Высшего

Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»[2]. Данный документ не только закрепил ряд важных тенденций правоупонимания в рассматриваемой сфере, но и во многом изменил привычное понимание и толкование норм права, связанных с реализацией принципа свободы договора. Появление данного Постановления можно оценить как дальнейшее закрепление и усиление принципа свободы договора в правоприменительной практике. Исходя из положений нового Постановления Пленума стороны договора могут устанавливать для себя правила иные, чем предусмотренные законом.

В Постановлении предложен новый подход к определению императивности или диспозитивности нормы права. Так, норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. Например, в ней предусмотрено, что такое соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, либо указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, либо названный запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы.

Вместе с тем из целей законодательного регулирования может следовать, что содержащийся в императивной норме запрет на соглашение сторон об ином должен толковаться ограничительно. В частности, суд может признать, что данный запрет не допускает установление сторонами только условий, ущемляющих охраняемые законом интересы той стороны, на защиту которой эта норма направлена.

В качестве примера такой ситуации Пленум приводит следующее. Часть четвертая статьи 29 ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»

устанавливает запрет на одностороннее изменение кредитной организацией порядка определения процентов по кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином, однако это не означает, что запрещено такое одностороннее изменение указанного порядка, вследствие которого размер процентов по кредиту уменьшается.

Постановлением устанавливаются и определенные критерии императивности, то есть общеобязательности, нормы права, которые и при отсутствии явно выраженного запрета установить в договоре иное правило, нежели в законе, делают норму императивной. В частности, норма является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т. д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора.

В качестве примера условий императивности нормы права приводится следующий [3, с. 101]. Пункт 2 статьи 610 ГК РФ предусматривает право каждой из сторон договора аренды, заключенного на неопределенный срок, немотивированно отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону в названные в данной норме сроки. Эта норма хотя и не содержит явно выраженного запрета на установление иного соглашения сторон, но из существа законодательного регулирования договора аренды как договора о передаче имущества во временное владение и пользование или во временное пользование (статья 606 ГК РФ) следует, что стороны такого договора аренды не могут полностью исключить право на отказ от договора, так как в результате этого передача имущества во владение и пользование фактически утратила бы временный характер.

Перечисленные категории в основном являются явно оценочными, поэтому в каждом конкретном случае суд должен оценить насколько та или иная норма права в отношении рассматриваемых судом правоотношений направлена, например, на защиту особо значимых охраняемых законом интересов. Причем одна и та же норма права в одном случае может оказаться императивной, а в другом, напротив, диспозитивной.

Положения Постановления Пленума, действительно, устанавливают и некоторые ограничения принципа свободы договора. Если норма содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашение сторон, суд исходя из существа нормы и целей законодательного регулирования может истолковать такое указание ограничительно, то есть сделать вывод о том, что диспозитивность этой нормы ограничена определенными пределами, в рамках которых стороны договора свободны установить условие, отличное от содержащегося в ней правила.

Если же норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют вышерассмотренные критерии императивности, она должна рассматриваться как диспозитивная. В таком случае отличие условий договора от содержания данной нормы само по себе не может служить основанием для признания этого договора или отдельных его условий недействительными [4, с 37].

В качестве примера подобных диспозитивных норм в Постановлении Пленума приводится в том числе статья 410 ГК РФ. Данная норма права предусматривает возможность прекращения обязательства зачетом и звучит следующим образом: «Обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого

наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. Для зачета достаточно заявления одной стороны».

С учетом всего вышесказанного, относя данную норму к числу диспозитивных, делается вывод о том, то нормы статьи 410 ГК РФ, устанавливающие предпосылки прекращения обязательства односторонним заявлением о зачете, не означают запрета соглашения договаривающихся сторон о прекращении неоднородных обязательств или обязательств с не наступившими сроками исполнения и т. п.

На наш взгляд, изложенный подход излишне идеализирует принцип свободы договора и при недобросовестности участников гражданских правоотношений может быть направлен на нарушение иных принципов, таких как справедливость и законность. Ведь не секрет, что одна из сторон, пользуясь своим положением на рынке определенных товаров или услуг, может навязывать другой стороне условия весьма невыгодные. При этом оспорить такие условия как противоречащие закону с учетом того, что они противоречат особо охраняемым законом интересам слабой стороны, будет весьма непросто.

В целом, рассматривая положения Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», создается еще и впечатление, что ко всему прочему данные положения служат усилению роли органов судебной власти в разрешении судебных споров. Это связано с тем, что многие положения носят оценочный характер, дают право суду выбора различных вариантов решения, толкования условий договора и норм права, квалификация тех или иных правоотношений сторон в большей мере отнесена к судебному усмотрению. При этом сложно однозначно сказать относительно положительного влияния этих положений на гражданский оборот. Полагаем, что во многом это будет определяться качеством работы судебной системы, включая ее проверочные инстанции, которые зачастую определяют практику рассмотрения тех или иных категорий дел, а также качеством представительства в судебном процессе и уровнем его профессиональной подготовки.

Подводя итог следует заметить, что нынешняя трактовка реализации принципа свободы договора при рассмотрении дел арбитражными судами делает советы юристов относительно необходимости внимательного отношения к условиям заключаемых договоров как никогда актуальными. Вместе с тем умелое использование в хозяйственной практике возможности самостоятельного определения основных условий заключаемых договоров может сыграть и положительную роль для субъектов предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ.ред. В. А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2009. - 993 с.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах" // Вестник ВАС РФ. — май 2014. — № 5.[электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Карапетов А. Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права// Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 11. - С. 100-133.
4. Кузнецова О.А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, как цели и способы защиты гражданских прав // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). – С. 36-41

© 2014

G.A. Ozhegova, PhD, Associate Professor, Department of theory of State and law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article describes trends associated with the implementation of the principle of freedom of contract. Examines a new approach to the definition of effect or the imperative character of the rule of law.

Keywords: the principle of freedom of contract, the legal and mandatory rules, obligations.

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ

© 2014

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства
и права

Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье представлены результаты анализа двух элементов формуляра жалованных грамот (*dispositio* и *sanctio*), которые позволили дать новое для историко-правовой науки определение жалованных грамот, выявить критерии их отличия от других грамот, с которыми их часто смешивают. Отдельно рассмотрены вопросы юридической ответственности в жалованных грамотах.

Ключевые слова: источники русского права, право Московского государства, жалованные грамоты, классификация грамот.

Среди всех источников русского средневекового права жалованные грамоты реже всего привлекаются для раскрытия проблем юридической ответственности. Между тем в составе формуляра жалованных грамот есть важный элемент, который напрямую связан и с юридической ответственностью, и с важной проблемой классификации этой группы источников права.

Первые попытки обобщения огромного массива жалованных грамот и составления сводного текста относятся к XIX в. Первой такой работой, носившей глубокий и обстоятельный характер, является исследование А.Н. Горбунова. Несмотря на последующую критику со стороны советских исследователей и обвинения в антиисторическом подходе, в работе Горбунова был последовательно выдержано стремление систематизировать жалованные грамоты в связи с их юридическим содержанием, для чего им были использованы особенности формальной стороны грамот.

А.Н. Горбунов отождествлял жалованные грамоты с понятиями «льготные» и «тарханные», понимая под ними «такие акты, по которым высшая власть ... предоставляла какому-нибудь физическому или юридическому лицу или имуществу в собственность, во владение, или право на изъятие от нормального порядка вещей» [1, с. 1,2]. Основу его исследования составили 230 жалованных грамот, отобранных по двум критериям: 1) принадлежность к хронологическому периоду XIII-XV вв.; 2) адресатом выступали церкви и монастыри.

А.Н. Горбунов выделял санкцию среди трёх устойчивых элементов формуляра [1, с. 13]. Определив наиболее часто встречающуюся конструкцию, Горбунов не смог объяснить или классифицировать многочисленные отклонения от неё.

Д.М. Мейчик в своём исследовании основывался на анализе корпуса из вводимых им в научный оборот 110 жалованных грамот, которые должны были дополнить источниковую базу, изученную А.Н. Горбуновым. Д.М. Мейчик отмечал, что сделанные А.Н. Горбуновым наблюдения только в некоторых частностях дополняются новым материалом, но при этом справедливо указывал на недостаточно полное раскрытие формальной стороны и юридического значения жалованных грамот [2, с. 4-5].

Нарубеже XIX-XX вв. в научный оборот были введены многочисленные жалованные грамоты служилым людям, что существенно повлияло на дальнейшие исследования этой группы актов [3]. Уже в первых исследованиях, вышедших после 1917 г., эта группа жалованных грамот становится ядром источниковой

основы [4; 5]. Кроме того, после революции 1917 г. массив жалованных грамот существенно пополнился в результате источниковедческих работ в архивах Троице-Сергиева, Макарьева-Колязина, Симонова, Кирилло-Белозерского и других монастырей.

В советской исторической науке жалованные грамоты интересовали исследователей прежде всего в качестве источника по истории феодальных отношений. В полной мере противоположность подходов дореволюционной и советской историографии раскрывается в жёсткой критике Л.В. Черепниным работ А.Н. Горбунова и Д.М. Мейчика [6, с. 98-100]. С точки зрения советского исследователя, дореволюционные историки слишком много внимания уделяли абстрактным юридическим категориям, не раскрывающим, а затемняющим конкретное историческое содержание грамот [6, с. 100].

Изучение жалованных грамот, их формы и содержания было непосредственно связано с изучением феодального землевладения и классовых отношений. Например, Л.В. Черепнин формулировал следующие задачи изучения жалованных грамот: «Жалованные грамоты должны раскрыть нам как формы эксплуатации непосредственных производителей методами внеэкономического принуждения, так и политику княжеской власти в области феодального землевладения» [6, с. 111].

Л.В. Черепнин положил в основу классификации жалованных грамот два критерия: статус адресата и предмет грамоты. Жалованные грамоты привилегированным землевладельцам он предложил разбить на следующие группы: 1) грамоты, закрепляющие переход недвижимой собственности в руки феодалов; 2) грамоты, предоставляющие судебные привилегии; 3) грамоты, предоставляющие землевладельцам освобождение от различных податей и повинностей; 4) охранные (заповедные) грамоты на феодальные владения; 5) грамоты, предоставляющие право на производство промыслов и торговли и сбор торговых и таможенных пошлин [6, с. 112].

В современной науке жалованные грамоты попрежнему преимущественно интересуют исследователей с точки зрения источниковедения, раскрытия особенностей политической и социально-экономической истории [7; 8; 9]. Отдельно следует отметить работы С.М. Каштанова, внёсшего существенный вклад в изучение формуляра жалованных грамот с точки зрения дипломатики [10; 11].

Практически все исследователи жалованных грамот выделяли такой постоянный элемент их формуляра как